

Д.И. НИКИФОРОВ

ПЕТР КАРАГЕОРГИЕВИЧ В БОСНИЙСКОМ ВОССТАНИИ 1875–1878 годов

В первой половине 70-х годов XIX в. Османская империя находилась в состоянии кризиса. Некогда грозное и могущественное государство сотрясали экономические и социальные бури. Провальной оказалась и его аграрная политика на территории Боснии и Герцеговины. Тяжелые налоги, засуха лета 1874 г. и зима, затянувшаяся на март и апрель 1875 г., заставляли кметов (крестьян) покидать дома, а некоторых вступать в отряды гайдуков, занимавшихся грабежом. Именно с нападения четы гайдуков, возглавляемой Перой Тунгузом, на турецкий караван в июле 1875 г. началось восстание в Герцеговине – так называемая “Невесеньска пушка”. Восстание почти сразу же поддержал черногорский князь Николай I Петрович Ньегош, исключив всякое влияние на события со стороны Сербского княжества. Одним из немногих участников (вождей восстания), представлявших интересы сербского князя Милана Обреновича, был Мичо Любibrатиц, который также был вынужден координировать свои действия с князем Николаем.

В августе восстание вспыхнуло и в Боснии. Практически все активные его участники так или иначе взаимодействовали с сербским правительством: на юго-западе Боснии, в Черных Потоках, находились группы четников, впоследствии возглавленных Голубом Бабицем; на северо-западе закрепились социалисты, представителем которых был Мичайло Хрвачанин.

Большое количество добровольцев-сербов направилось как в Герцеговину, так и в Боснию. Среди таких вождей восстания, как Илия Гутеша, Васо Видович, Илия и Само Билбии, оказался человек, спустя долгие годы ставший сербским королем. Это был наследник династии Карагеоргиевичей Петр Карагеоргиевич.

Отечественная историография, посвященная восстанию в Боснии и Герцеговине 1875–1876 гг., не уделяла особого внимания судьбам его участников. Лишь в работе советского историка Д.Ф. Поплыко подробно исследована деятельность активного участника восстания в Боснии Васы Пелагича¹. О других вождях восстания, в частности о Петре Карагеоргиевиче, существуют только краткие упоминания в обобщающих трудах и монографиях. Что касается югославской историографии, то после Второй мировой войны к представителям династии Карагеоргиевичей по политическим соображениям относились с предубеждением, и участие Петра Карагеоргиевича в боснийском восстании в 1875–1876 гг. не получило отражения в специальных исследованиях.

Между тем Петр Карагеоргиевич, принц в изгнании, с 1903 г. – король Сербии, с 1918 г. – первый король Королевства сербов, хорватов и словенцев, при жизни был одним из самых популярных в сербском народе правителей. Он остался в истории как король-освободитель, король-воин, деятельный участник балканских войн и Первой

Никифоров Денис Игоревич – аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук.

¹ *Поплыко Д.Ф.* Общественно-политические взгляды В. Пелагича в 90-е гг. XIX в. – Вопросы первоначального накопления и национальные движения в славянских странах. М., 1972.

мировой войны. В то же время это была спорная и противоречивая фигура. Его самостоятельность как политика и его роль в сербской политической жизни до сих пор остаются объектом дискуссий историков. Среди многочисленной литературы на сербохорватском языке по истории XIX–XX вв. существует немало работ, посвященных Петру Карагеоргиевичу как монарху. Однако ранний период его жизни и особенно участие в боснийском восстании послужили темой лишь для небольшого количества исследований. В первую очередь назовем классические работы таких сербских историков, как Милорад Экмечич и Васа Чубрилович², где рассмотрено и участие в борьбе против Османской империи Петра Карагеоргиевича. Экмечич анализирует его деятельность в период восстания на основе большого количества разнообразной литературы и источников, и поэтому монография Экмечича и поныне представляет большой интерес. Но безусловное внимание исследователя, конечно же, привлечет трехтомный труд современного историка Драголюбa Живойиновича, в котором воссоздана наиболее полная на сегодняшний день биография Петра Карагеоргиевича, в частности, широко освещающая период боснийского восстания³.

* * *

К середине 1875 г. сербский князь Милан Обренович находился в сложном положении. В августе правительство страны возглавила либеральная партия, оппозиционная консервативной партии Данилы Стефановича. Сербский народ требовал от Милана Обреновича решительных действий в поддержку восстания боснийских и герцеговинских сербов, которое к сентябрю охватило уже всю территорию Боснии и Герцеговины. Однако, испытывая сильное давление со стороны Австро-Венгрии и России, Обренович не мог выступить против Османской империи.

Его “нейтралитет” был чрезвычайно непопулярен среди сербского народа и ставил под удар дальнейшую судьбу династии Обреновичей. Поэтому после прошедших в августе 1875 г. выборов в Скупщину князь составил “министерство действия” во главе с Йованом Ристичем, занявшим пост министра иностранных дел, Йевремом Груичем на посту министра внутренних дел и премьер-министром Стевчем Михаиловичем – активными сторонниками поддержки восставших в Боснии и Герцеговине. Долго это правительство не продержалось: уже 8 октября его сменил кабинет министров во главе с Любомиром Калевичем. Либеральные политики, тем не менее, продолжали оставаться влиятельной силой в Сербском автономном княжестве, а газета Ристича “Исток” – рупором “партии действия”, формировавшим общественное мнение.

Давление на Обреновича оказывали не только либералы, но и широкие слои сербского общества: интеллигенция, студенты, учащиеся школ. В поддержку восстания в Боснии и Герцеговине проводились митинги и демонстрации. В Белграде был создан комитет поддержки восставших, который занимался сбором денежных средств. Сам Милан Обренович смог убедиться в народной поддержке восстания еще 31 июля, когда возвращался в Белград из Вены. По дороге он встретил добровольцев, направлявшихся в Герцеговину, которые, увидев его, начали скандировать: “Да здравствует король сербский!”, “В бой!”, “Дай нам войны!”⁴.

Потенциальной опасностью, влиявшей на сербскую позицию в восстании, были и возможные политические претензии представителей княжеских династий – политических соперников Обреновичей. Сербскому князю приходилось учитывать не только требования оппозиции, возглавляемой Ристичем, но и “считаться с двумя внешними претендентами на его шаткий трон”⁵. В первую очередь на позицию сербского князя

² *Ekmečić M. Ustanak u Bosni. 1875–1878. Sarajevo, 1973; Чубриловић В. Босански устанак 1875–1878. Београд, 1930.*

³ *Живојиновић Д.Р. Краљ Петар Карађорђевић. У изгнанству. 1844–1903 године. Београд, 2009.*

⁴ *Јовановић С. Влада Милана Обреновића, т. 1. Београд, 1934, с. 429.*

⁵ *Miller W. The Ottoman Empire. 1801–1913. Cambridge, 1913, p. 363.*

влияла поддержка герцеговинцев со стороны Николая I Негоша Петровича, князя черносгорского.

Еще в 1860-е годы князь Николай хотел стать преемником князя Михаила Обреновича в случае объединения Сербии и Черногории в рамках Балканского союза. Являвшийся одним из претендентов на сербский престол после убийства Михаила в 1868 г., Николай надеялся воспользоваться благоприятной ситуацией – у сербского князя не было детей. Когда наследником был выбран племянник Михаила – Милан, Николай сконцентрировал внимание на Герцеговине и выступил за ее объединение с Черногорией. Политическое соперничество двух династий – сербской и черногорской – отрицательно сказывалось на развитии восстания. Хотя Сербия и Черногория все же смогли договориться о совместном участии в боевых действиях против Порты, коллизия их интересов помешала добиться успеха в сербско-черногорско-турецкой войне.

Естественные опасения у молодого князя Милана Обреновича вызывали также сообщения об участии в восстании принца Петра Карагеоргиевича. На протяжении всего XIX в. одним из центральных внутривполитических конфликтов на территории Сербского княжества была борьба за власть династий Обреновичей и Карагеоргиевичей. При этом важной особенностью развития сербской государственности в XIX в. было то, что сербский народ не рассматривал князя (а позже и короля) как богом данного, сакрального правителя. В сознании народа князь был первым среди равных, и это ставило Милана Обреновича в сложную ситуацию. С детства изучая историю Франции, Милан с особым интересом относился к истории династии Бурбонов до Великой французской революции, которые “высоко держали политический авторитет и не потакали народу”⁶. Трагическая судьба династии Бурбонов вызывала у него глубокое сочувствие. Будучи сторонником абсолютной монархии, человеком, получившим европейское образование, Милан не понимал свой народ. Вместе с тем среди великих держав сербский князь воспринимался прежде всего как вассал Османской империи. Росту его авторитета в Европе мешало и то, что он не являлся членом какой-либо европейской правящей семьи.

Не имея широкой опоры в сербском обществе, князь стал склоняться к тому, чтобы получить поддержку от Австро-Венгрии, что в тот период вполне соответствовало интересам австро-венгерского правительства, стремившегося усилить свое влияние в Сербии.

В дальнейшем дистанция между Обреновичами и народом только увеличится, что приведет к кровавой трагедии – убийству 11 июня 1903 г. Александра Обреновича и его супруги Драги. Королем будет избран Петр Карагеоргиевич. Но в тот период, о котором идет речь, Милан был еще молодым правителем, делавшим первые шаги как самостоятельный политик, который пытался защитить и укрепить позиции Обреновичей. Его исторический соперник, Петр Карагеоргиевич, в июле 1875 г. тоже сделает важный политический шаг, решив возглавить восстание в Боснии.

Петр родился в июне 1844 г. и впоследствии долгое время вместе с отцом Александром Карагеоргиевичем прожил в изгнании. Петр также являлся кандидатом на сербский княжеский престол после убийства Михаила Обреновича. Молодой Петр, как и Милан, получил образование в Париже, закончил военную академию Сен-Сир. В качестве офицера французского иностранного легиона он участвовал во франко-прусской войне и даже был захвачен в плен баварскими солдатами 11 октября 1870 г. С его спасением из немецкого плена связаны разные легенды. По одной из них, молодой принц бежал из плена, переплыв ледяную осень Луару, после чего всю жизнь страдал от ревматизма. По другой, более прозаической легенде, он был избит баварскими солдатами и отпущен⁷. Но как бы то ни было, во всех легендах и слухах того периода

⁶ *Јовановић С.* Указ соч., с. 274.

⁷ *Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenacka*, III knjiga. Zagreb, 1928, с. 421; *Живојиновић Д.Р.* Указ. соч., с. 92.

Петр выглядит храбрым и находчивым воином, который был награжден орденом Лиги чести.

Информация о тех или иных действиях принца Петра, доходившая до сербского князя и правительства страны, поступала из разных источников и на деле часто оказывалась слухами. Например, когда в 1875 г. прогремело восстание в Герцеговине – “Невесенска пушка” – в течение нескольких месяцев упорно циркулировали слухи об участии в восстании наследника рода Карагеоргиевичей.

30-летний принц решил на участие в восстании под влиянием социалистов, в первую очередь Владе Лиотича⁸. Сербские социалисты, собственно как и многие сербские либералы, были участниками политического движения “Омладина”, центральной задачей которого являлось полное освобождение и объединение сербских земель. Среди прочих Владе Лиотич поддерживал контакты в Белграде с Николой Пашичем, Перой Тодоровичем и Лазарем Циничем, в Боснии – с братьями Манойлой и Мойей Хрвачанами, Костой Угриничем. Как пишет в своих мемуарах Любича Лиотич, жена Владе, первая встреча ее мужа и князя, где обсуждалось восстание в Боснии и Герцеговине, “прошла в Нице, еще при жизни Светозара⁹, зимой 1873–1874 гг.”¹⁰ Деньги для участия в восстании были взяты в долг. Некоторую сумму после долгих уговоров дал сыну Александр Карагеоргиевич. В августе 1875 г. Петр записал в дневнике, что Лиотич должен встретиться с Александром и передать тому письмо, в котором Петр “требует деньги а сonto (в счет. – *Д.Н.*) моей земли и моего села, которое мне было отдано”¹¹. Уже в августе Петр приезжает в Дубицу, где живет в доме братьев Маши и Мойицы Хрвачаниных. Здесь и начинается активная работа княжича в формировании войск.

Что же подтолкнуло Петра Карагеоргиевича к участию в боснийском восстании? Династические претензии на сербский престол? Романтическое стремление к освобождению и объединению всех сербов? Во всяком случае сербскому правительству и Милану Обреновичу причины его решения оставались не известны. Любые действия молодого Карагеоргиевича воспринимались ими как угрожающие сербской государственности и династии Обреновичей и не могли не вызывать тревоги. Наконец, к началу августа о намерениях Петра Карагеоргиевича участвовать в восстании стало известно достоверно.

В телеграмме от 1 августа 1875 г. российский консул А.С. Ионин писал управляющему министерства иностранных дел России А.Г. Жомини, ссылаясь на “верный источник”, что Петр хочет стать руководителем герцеговинского восстания. “Цель состоит в том, – указывал Ионин, – чтобы явиться в Невесенье, уничтожить там существующее будто бы исключительное черногорское влияние, провозгласить общую борьбу сербских народностей против турок, возбудить тем в Белграде страсти, ускорить свержение Милана и быть провозглашенным на его место”¹².

В дневнике Петр описывает свои чувства после чтения газетных статей, посвященных восстанию, так: “Я сгорал от того, что не участвую с остальными в том восстании”¹³. Не представляя себе подлинного характера восстания, в первую очередь являвшегося “герильей”, он изучал литературу о гражданской войне в США¹⁴ и готовил себя к классическим открытым военным действиям восставших народов Боснии и Герцеговины, лидером которых станет он, Петр Карагеоргиевич, внук великого Карагеоргия.

⁸ Живојиновић Д.Р. Указ. соч., с. 105.

⁹ Светозар Марковић – сербский социалист, политик, публицист.

¹⁰ Љотић Љ.Вл. Мемоари. Београд, 1990, с. 69.

¹¹ Мркоњић П. (*Карађорђевић П.А.*). Дневни записци једног усташа о босанско-херцеговачком устанку 1875 – 1876 године. – Мешовита грађа. Београд, 1979, кн. 7, с. 18.

¹² Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М., 2008, с. 36.

¹³ Мркоњић П. (*Карађорђевић П.А.*). Указ. соч., с. 17.

¹⁴ Екмесис М. Оp. cit., p. 140.

Известные сербские историки М. Стевич и М. Раевич в предисловии к письмам и дневникам Петра Карагеоргиевича за 1875–1876 гг. отмечают две возможные цели его участия в восстании. Во-первых, считают они, князь, приобретший определенный военный опыт во время франко-прусской войны, не мог оставаться в стороне, когда началось восстание в Боснии и Герцеговине. Во-вторых, благодаря своему непосредственному участию в освободительной борьбе сербов против турок он надеялся вернуть прежнее влияние династии Карагеоргиевичей¹⁵. В свою очередь Д. Живоинович отмечает, что внука Карагеоргия мало интересовало, где вести боевые действия – в Боснии или Герцеговине. По его словам, княжич хотел “бороться, быть на виду, чтобы о нем говорили”¹⁶. Желание быть на виду демонстрирует пусть и латентные, публично отрицаемые амбиции, которые, безусловно, имелись у законного наследника княжеского рода. Поэтому княжич и хотел стать вождем, лидером, а не рядовым участником восстания. Мало того, он мечтал о том, что когда-нибудь восстание христиан против турок охватит весь Балканский полуостров и он, как признанный лидер, возглавит его, чтобы навсегда свергнуть господство турок.

Однако история отводит каждому действующему лицу свое место и время.

Осень 1875 г. прошла для Петра в формировании своего войска, снабжении его оружием и продовольствием. Войско строилось по определенной схеме: в каждый отряд входили 30–32 человека, и таким образом было сформировано 8 чет¹⁷. К декабрю 1875 г. в отряде княжича насчитывалось более 600 человек. Его четы были многонациональными: там были и сербы, и хорваты, и словенцы, и босняки, и черногорцы. В ходе восстания в целях конспирации Петр не использовал свою фамилию, предпочитая разные псевдонимы, в том числе Петр Петрович, однако чаще остальных Петр Мрконич.

В отличие от многих других лидеров восстания, Петр, как уже отмечалось выше, идеализировал национальное движение в Боснии и Герцеговине. Оказавшись на территории Боснии, он надеялся встретить готовые к бою войска, которые могли сражаться против турецких войск по всем канонам тактики и стратегии ведения боевых действий, так, как его учили в Сен-Сире. Но вооруженная борьба боснийских христиан против турок на самом деле являлась партизанскими действиями, а сами четники в большинстве своем были необразованными крестьянами, имевшими слабое представление о военном искусстве и воинской дисциплине. Постоянные стычки с турецкими отрядами, т.е. по сути партизанская война, исключали те серьезные вооруженные действия, на которые рассчитывал Петр. Для наследника рода Карагеоргиевичей особенно трудной задачей оказалось поддержание дисциплины в своих отрядах.

Заметим, что далеко не все лидеры боснийского восстания были столь строги к своим бойцам. Например, Голуб Бабиц, обосновавшись в Черных Потоках, позволял своим отрядам грабить купцов, независимо от того, являлись те христианами или исповедовали ислам¹⁸.

Военное образование Петра мешало ему смириться с реальной сущностью освободительной борьбы в Боснии, которую, как справедливо заметил историк М. Экмечич, Петр “не воспринимал как партизанскую”¹⁹. Отсутствие дисциплины в войске заставило его остаться в лагере зимой 1875–1876 гг., когда из-за сильных снегопадов боевые действия практически не велись и среди четников началось пьянство²⁰.

В течение осени 1875 г. произошел ряд незначительных столкновений с турками, которые привели к отступлению карагеоргиевичевцев. В октябре у села Аове им при-

¹⁵ Мркоњић П. (*Карађорђевић П.А.*). Указ. соч., с. 11.

¹⁶ Живоиновић Д.Р. Указ. соч., с. 115.

¹⁷ Мркоњић П. (*Карађорђевић П.А.*). Указ. соч., с. 38.

¹⁸ *Ektecić M.* Op. cit., p. 186.

¹⁹ *Ibid.*, p. 140.

²⁰ Живоиновић Д.Р. Указ. соч., с. 131.

шлось отступить после стычки с турецким отрядом, насчитывавшим 150–200 человек²¹. Тоже случилось и у Пивняка.

Социалисты действительно тесно сотрудничали с Карагеоргиевичем, однако эти контакты не были постоянными. Стоит упомянуть об агенте Джуро Филиповиче, который весной 1876 г. в компании Васы Пелагича и Джоко Урицы уговаривал княжича покинуть лагерь²². Руководствуясь именно заявлениями Филиповича, бывшего студента Московского университета, Ионин и сделал приведенные выше выводы о целях Карагеоргиевича на территории Герцеговины и его возможных связях с “Омладиной” в Австро-Венгрии²³.

Комментируя передвижения Джуро Филиповича на территории Герцеговины, газета “Застава” писала, что он проповедует “чистый коммунизм и нигилизм” в контексте общества “Освобождение”, которое “Застава” связывала с Карагеоргиевичем, и получает “дружеские напоминания” о возможных действиях от Петра²⁴.

Не все слухи, касавшиеся Петра, шли ему на пользу. К примеру, пользуясь информацией из “третьих рук”, участник восстания П. Петрович писал российскому послу в Константинополе графу Н.П. Игнатьеву 5(17) сентября 1875 г.: “Я виделся в Рагузе с одним сербом из партии Карагеоргиевича, и он мне говорил, что они и сами теперь будут работать с турками, чтобы произвести революцию в Сербии против князя Милана. Вот выродки! Не дай Бог, чтобы это случилось и чтобы позволили ему прийти в Сербию!”²⁵.

16–17 декабря 1875 г. на скупщине лидеров восстания в Ямнице обсуждались вопросы об отношении к босанским мусульманам, а также о политической линии восстания²⁶. Собралось несколько сотен человек со всей северной Боснии. Главный комитет в Новой Грашке представляли Йово Билбия, Васо Видович и Спасое Бабич, а главный белградский комитет – Васо Тоскич. От загребского комитета для участия в скупщине в Ямницу приехал Илия Гутеша. Петр Карагеоргиевич прибыл с отрядом из 80 человек.

Скупщина заседала в школьном кабинете, представители сидели за партами, а председатель Илия Гутеша – за учительским столом²⁷. Главная цель скупщины – объединение действий всех восставших против Османской империи – не получила окончательного решения. Удалось договориться лишь по ряду второстепенных вопросов, в частности, о взаимодействии отрядов, о создании совета восстания.

Отдельно скупщина обсуждала вопрос о дальнейшем участии в восстании Петра Карагеоргиевича. Это был очень важный для него вопрос, так как в случае положительного решения Петр получал возможность контактировать с комитетами помощи добровольцам. В случае отказа все вопросы поставки оружия и продовольствия полностью ложились на Петра и его ближайших союзников.

Газета “Застава” привела описание заседания скупщины, сделанное в чешской газете “Народни лист”: “Скупщина открылась с вопроса о Карагеоргиевиче: хотели бы восставшие воевать под его флагом? Затем началось особое обсуждение, по итогам которого единогласно было принято решение об удалении Карагеоргиевича. Услышав это, Карагеоргиевич, сузив блестящие глаза, посмотрел на верных ему, но никто не ответил на его взгляд. Потом Карагеоргиевич встал и спросил присутствующих: кто хочет с ним воевать против турок? Снова никто ничего не сказал... Затем все присутствующие проголосовали, поддержав Совет, т.е. за свободных и независимых повстан-

²¹ Там же, с. 128.

²² Там же, с. 139.

²³ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878, с. 36.

²⁴ Застава, Нови Сад, 9.XI.1875.

²⁵ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878, с. 106.

²⁶ *Ektetic M.* Op. cit., p. 145.

²⁷ *Чубриловић В.* Указ. соч., с. 140.

цев, без особенных династических целей”²⁸. Такая позиция совета скупщины диктовалась в первую очередь необходимостью заручиться поддержкой властей Сербии, не доверявших молодому княжичу.

Сам Петр, рассказывая о том заседании, приводит слова Илии Гутеши: “Братья, вам известно, что нам Сербия, Черногория и Хорватия помогают, и то для нашего дела большая помощь, но если господин (показывает на меня) останется с нами, то может легко случиться, что мы будем лишены всей этой помощи”²⁹. Тогда же был выбран вождем восстания – словак Мирослав Хубмайер по прозвищу Черный. Представители повстанцев прекрасно отдавали себе отчет в том, что Петр Карагеоргиевич – один из немногих лидеров, имеющих академическое военное образование, и мало кто может составить ему конкуренцию. Тем не менее большинство повстанцев, поддерживавших и признававших Милана Обреновича своим князем, предпочли избрать Мирослава Хубмайера, тоже обладавшего богатым военным опытом.

Петра же попросили покинуть Боснию в течение восьми дней во избежание последствий³⁰. Но, даже подвергая свою жизнь смертельной опасности, он не стал выполнять требование ямничкой скупщины. 27 декабря 1875 г. Петр пишет в дневнике, что ему рассказали, ссылаясь на Васу Пелагича, о заседании в Костайнице под председательством Илии Гутеши, где было решено убить наследника династии Карагеоргиевичей³¹.

Уход Карагеоргиевича из рядов боснийских повстанцев не решал проблем лидеров боснийского восстания. Как пишет В. Пелагич, “между боснийскими восставшими бурлили, интриговали и разрывали народ агенты семи государств... С одним из тех славянских государств (Сербией. – Д.Н.) повстанцы сотрудничали и всегда были готовы вступить в союз на определенных условиях”³². Все так же сохранял свои позиции своевольный Голуб Бабич, “кость в горле” Белграда, открыто возражавший против приказов, поступавших от сербского правительства. Весной 1876 г. даже появились слухи о связи Голуба Бабица с Петром Карагеоргиевичем.

В январе 1876 г. княжич распустил четы на зиму. Проживая в основном на территории Австро-Венгрии, в городе Бойине, Петр периодически выезжал в Вену и Братиславу, где закупал продовольствие и оружие. В апреле в лагере, расположенном в горах Чорковача, начало собираться войско. В лагере Петр свободно управлял четами, издавал указы и постановления³³. К лету 1876 г. в его распоряжении осталось немного людей. По версии сербского агента, он смог “собрать только 15 человек”, остальных четников ему предоставляли Сима и Йова Билбии и поп Репач, еще один союзник Петра³⁴.

В мае в условиях непрекращавшегося дождя и тяжелых проблем с продовольствием многие повстанцы покинули лагерь. В письме Лиотичу от 20 мая 1876 г. Петр жаловался: “Утром люди умирают от голода. Хлеб забирают пограничники и имперская армия”³⁵. А в своем дневнике 17 июня 1876 г. он записал: “Утром во время молитвы оказалось, что нас только 140, тех, кто остался в лагере. Те, кто бежал, взяли ружья”³⁶.

²⁸ Застава, № 171, 5.I.1876.

²⁹ *Мркоњић П. (Карађорђевић П.А.).* Указ. соч., с. 56.

³⁰ *Ектесис М.* Оп. cit., р. 146.

³¹ *Мркоњић П. (Карађорђевић П.А.).* Указ. соч., с. 58.

³² *Пелагић В.* Историја Босанско-херцеговачке буне. Сарајево, 1953, с. 149.

³³ Сообщение агента в министерство иностранных дел Сербии. – Arhiv Srbije, 1876, пов. № 1252.

³⁴ Там же, пов. № 1252, б/2.

³⁵ Письмо П. Карагеоргиевича В. Лиотичу, 20 мая (1 июня) 1876 г. Чорковачский лагерь. – *Мркоњић П. (Карађорђевић П.А.).* Указ. соч., с. 126.

³⁶ Там же, с. 90.

Вопрос о связях Петра с Австро-Венгрией часто вставал перед сербской общественностью. Он бывал в Вене, Братиславе, не раз ездил в Книн, что вызывало беспокойство у сербского правительства и прежде всего у вернувшегося на пост министра иностранных дел Ристича. Надо сказать, что до весны 1876 г. австрийские военные не предпринимали никаких особых мер против восставших. Вена настаивала на урегулировании конфликта, существовал даже так называемый “план Андраши”, так и не принятый восставшими. Правительство Австро-Венгрии опасалось развития сербского национального движения в этих районах Османской империи в связи со своими планами оккупации территории Боснии и Герцеговины. Близилось Рейхштадтское соглашение российского императора Александра II и императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа. 8 июля 1876 г. в ходе встречи императоры устно договорились не вмешиваться в войну Сербии и Черногории против Турции. Результаты встречи были зафиксированы как русской стороной, так и австро-венгерской, на бумаге в двух версиях и, как выяснилось, отличались в содержании. Если по русской версии в случае победы сербов и черногорцев Сербскому княжеству доставались Босния и некоторая часть Старой Сербии, а Черногории – Герцеговина, то в варианте Андраши было записано, что в случае поражения турок Австро-Венгрия аннексирует Боснию и Герцеговину.

Летом 1876 г. помимо враждебных отношений с лидерами боснийского восстания и стычек с турками много неприятностей доставляли Петру и австро-венгерские отряды, отлавливавшие восставших на границе в соответствии с мартовским указом об аресте инсургентов на границе Боснии и Австро-Венгрии. Упоминая о лагере в горах Чорковача, Любича Лиотич пишет: “Но Австрия их (четников. – Д.Н.) уже держала в поле зрения. Устраивала им помехи, направляла жандармов, перехватывала и конфисковывала продовольствие для четников”³⁷.

Петру так и не удалось добиться реализации своей цели. Попытки действовать в одиночку, без поддержки других лидеров восстания не увенчались успехом. Естественно, что целью всех вождей восстания была Центральная Босния, но ни один из них, в том числе и Петр Карагеоргиевич, не обладал достаточными силами, чтобы противостоять регулярной армии Османской империи. Петр надеялся пробиться к центру Боснии, и первым пунктом в его планах значился захват Бужима. Однако, с переменным успехом сражаясь с небольшими турецкими отрядами, осуществить этот план он не сумел³⁸.

В июне 1876 г. Сербия и Черногория заключили военный договор, а затем объявили войну Турции. Петр направил письмо Милану Обреновичу, где отказывался от политических притязаний на сербский престол и предлагал свою поддержку. Ответа не последовало, и тогда 4 июля 1876 г. Петр созвал четников и заявил о своем решении покинуть лагерь. Накануне он записал в дневнике: “Около полудня созову всех четников в хижине и сообщу им: Сербия сейчас начала военные действия, и мое пребывание в Боснии становится невозможным, так как вреда будет больше, чем пользы”³⁹. Решение покинуть Боснию было вызвано и постоянно циркулировавшими слухами о готовящихся покушениях на его жизнь. В начале июля 1876 г. Петр через Шашаве направился в Вену⁴⁰.

Однако он по-прежнему оставался под пристальным вниманием сербского правительства. Его имя всплыло во время Топольского бунта 25 ноября 1877 г. – восстания солдат во главе с сержантом Милованом Жижечем возле города Крагуевац, намеревавшихся свергнуть князя Милана Обреновича. После подавления бунта в ходе расследования была выявлена связь некоторых бунтовщиков с Петром. Однако вина его судом так и не была доказана.

³⁷ Љотић Љ.Вл. Указ. соч., с. 84.

³⁸ Ектесис М. Оп. cit., p. 183.

³⁹ Мркоњић П. (Карађорђевић П.А.). Указ. соч., с. 100.

⁴⁰ Живојиновић Д.Р. Указ. соч., с. 146.

Петр Карагеоргиевич не смог реализовать свои цели и возглавить сербское освободительное движение. Оценивая его деятельность в Боснии, М. Экмечич пишет, что действия княжича не сильно повлияли на восстание и имели скорее моральное значение, чем военное⁴¹. Расчет на поддержку со стороны боснийских вождей не оправдался: и для сербского правительства, и для лидеров восстания Петр Карагеоргиевич был ненадежным союзником в силу его династических претензий на престол сербского княжества. Отсутствие поддержки и военные неудачи отряда Петра в итоге сыграли в пользу династии Обреновичей и сербского правительства. Для самого Петра боснийское восстание было тяжелым уроком, но вместе с тем он приобрел определенный опыт, который впоследствии помог ему на его непростом пути к сербскому престолу.

⁴¹ *Ekmečić M.* Op. cit., p. 183.